

Е. А. Мехамадиев

**Галина Евгеньевна Лебедева (10.05.1935–30.10.2021):
византинист-источниковед и историограф
русской дореволюционной византистики**

УДК 94(495)+930.2

DOI 10.47132/1814-5574_2022_1_380

Аннотация: Статья представляет собой небольшую заметку о методах исследовательской работы Галины Евгеньевны Лебедевой — советского и российского византиниста, профессора кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, ушедшей из жизни 30 октября 2021 г. Автор статьи ставит своей целью рассмотреть особенности стиля научных работ Галины Евгеньевны: как она работала с источниками, как аргументировала свою точку зрения и как на основе частных сюжетов раскрывала новые проблемы более высокого, теоретического уровня, т. е. проблемы методологии исторической науки и историософии. Из обширного научного наследия Галины Евгеньевны автор статьи выбрал два вопроса, которым она уделяла первостепенное внимание, — роль правовых источников, Кодексов Феодосия и Юстиниана, в изучении ранневизантийского общества и развитие церковно-исторического направления в русской дореволюционной византистике. Для анализа работ Галины Евгеньевны, посвященных указанной тематике, автор статьи обратился к исследованиям по общей теории истории и литературоведения, опубликованным за последние 10–15 лет. На основе принципов и критериев, предложенных в этих исследованиях (работы Ф. Штайнера, Ст. Йегера, Л. Дастон), автор попытался выделить наиболее характерные особенности научного метода Галины Евгеньевны Лебедевой.

Ключевые слова: Галина Евгеньевна Лебедева, византистика, Кодексы, источниковедение, методология, теория истории.

Об авторе: **Евгений Александрович Мехамадиев**

Доктор исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: e.mehamadiev@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-4588>

Для цитирования: Мехамадиев Е. А. Галина Евгеньевна Лебедева (10.05.1935–30.10.2021): византинист-источниковед и историограф русской дореволюционной византистики // Христианское чтение. 2022. № 1. С. 380–390.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2022

Evgeniy A. Mekhamadiev

**Galina Evgenyevna Lebedeva (10.05.1935–30.10.2021):
Byzantine and Sources Scholar and Historiographer
of the Russian Pre-Revolutionary Byzantine Studies**

UDK 94(495)+930.2

DOI 10.47132/1814-5574_2022_1_380

Abstract: The article is a short note about the research methods of Galina Evgenievna Lebedeva, a Soviet and Russian Byzantine scholar, professor at the Department of History of the Middle Ages at St. Petersburg State University, who passed away on October 30, 2021. The author of the article aims to consider the features of the style of Galina Evgenievna's scientific work: how she worked with sources, how she argued her point of view and how, on the basis of private plots, she revealed new problems of a higher, theoretical level, i.e. problems of methodology of historical science and historiography. From the extensive scientific heritage of Galina Evgenievna, the author of the article chose two issues to which she paid primary attention – the role of legal sources, the Codes of Theodosius and Justinian, in the study of early Byzantine society and the development of the church history trend in Russian pre-Revolutionary Byzantine studies. To analyze the works of Galina Evgenievna devoted to this topic, the author of the article turned to studies on the general theory of history and literary criticism published over the past 10–15 years. Based on the principles and criteria proposed in these studies (the works of F. Steiner, St. Jeager, L. Duston), the author tried to highlight the most characteristic features of the scientific method of Galina Evgenievna Lebedeva.

Keywords: Galina Evgenyevna Lebedeva, Byzantine studies, the Codes, source study, methodology, theory of history.

About the author: **Evgeniy Aleksandrovich Mekhamadiev**

Doctor of History, a senior lecturer of the Medieval History Department at Saint-Petersburg State University.

E-mail: e.mekhamadiev@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-4588>

For citation: Mekhamadiev E. A. Galina Evgenyevna Lebedeva (10.05.1935–30.10.2021): Byzantine and Sources Scholar and Historiographer of the Russian Pre-Revolutionary Byzantine Studies. *Khristsianskoye Chteniye*, 2022, no. 1, pp. 380–390.

30 октября 2021 г. ушла из жизни Галина Евгеньевна Лебедева — один из крупнейших советских и российских византинистов, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории ранней Византии и поздней античности (IV–VI вв.), более 50 лет преподававшая в стенах Ленинградского — Санкт-Петербургского государственного университета, на кафедре истории Средних веков, которой она заведовала в течение 25 лет, с 1990 по 2015 гг. Для автора этих строк Галина Евгеньевна была учителем, наставником и научным руководителем, поэтому, несомненно, он считает своим долгом сказать несколько слов не только в память, но и в знак уважения и признательности к Учителю и Человеку с большой буквы. В данной небольшой заметке, несколько не претендующей на статус историографического обзора и даже некролога, мы хотели бы обратить внимание читателей — коллег, учеников, друзей Галины Евгеньевны — на две важные особенности ее научного творчества, точнее сказать — стиля, метода, техники ее исследовательского мастерства. Первый сюжет — Галина Евгеньевна как историк-исследователь, т.е. методы ее работы с правовыми источниками: Кодексами Феодосия и Юстиниана, на основе которых она изучала структуру ранневизантийского общества, второй сюжет — Галина Евгеньевна как историограф русской дореволюционной византистики. В рамках второго сюжета мы хотели бы рассмотреть ее исследования по церковно-историческому направлению дореволюционной византистики.

На наш взгляд, между двумя этими сюжетами есть одна общая черта, если даже не прямая связь: каждый из них ярко показывает, что в своих исследованиях Галина Евгеньевна всегда подводила читателя к осознанию и осмыслению проблем более высокого уровня, выходящих за тематические рамки самих исследований. Это были вопросы как методологического (методического), так и историософского характера, соответственно, в данной заметке мы ставим целью рассмотреть, как в своих исследованиях, так или иначе посвященных отдельным, тематическим сюжетам, Галина Евгеньевна раскрывала более общие теоретические проблемы исторической науки.

1. Галина Евгеньевна Лебедева и Кодексы — принципы работы с источниками

Современный немецкий исследователь Ханс-Ульрих Вимер, характеризуя методологические особенности англоязычной историографии по эпохе поздней античности, подчеркнул, что такой видный представитель англоязычной традиции, как Джон Мэтьюз, автор знаменитой монографии «Западная аристократия и императорский двор в 364–425 гг.» (*Western Aristocracies and Imperial Court A. D. 364–425*, вышла в свет в 1975 г.), считал своей главной задачей установить и рассмотреть систему многочисленных социальных связей, существовавших между различными семьями позднеримской сенаторской аристократии. Как проследил Ханс-Ульрих Вимер, Джон Мэтьюз изучал сюжеты своих исследований преимущественно на основе произведений языческих авторов (таких как Квинт Аврелий Симмах или Аммиан Марцеллин) и сведений официального законодательства, т.е. Кодексов Феодосия и Юстиниана [Wiemer, 2013, 122, 124–125].

Галина Евгеньевна Лебедева, представитель советско-российской школы изучения поздней античности, тоже уделяла главное внимание сведениям Кодексов и, конечно же, всегда ссылалась на книгу Джона Мэтьюза в своих работах, посвященных позднеантичному периоду. Тем не менее, в отличие от Джона Мэтьюза, Галина Евгеньевна считала важнейшим движущим фактором развития поздней Римской империи — ранней Византии не механизмы социальных связей внутри отдельных групп общества, а *динамику* всего общества, т.е. процессы перехода представителей одной группы общества в другую, например переход из сословия куриалов в сословие сенаторов или из плебса — в число куриалов.

Именно процессы социальной динамики в первую очередь были рассмотрены в главной монографии Галины Евгеньевны — «Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана)», вышедшей в свет

в 1980 г., именно этим процессам была посвящена и ее докторская диссертация, защищенная в 1989 г. Кстати сказать, это непосредственно отразилось и в самом названии диссертации — «Динамика социальной структуры ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана)».

По мнению Лоррейн Дастон, историка западноевропейского естественнонаучного знания XVIII–XIX вв., при изучении роли того или иного ученого в развитии науки прежде всего необходимо определить, 1) как ученый работал с тем массивом сведений, который он собрал, и 2) как в исследовательской работе ученого проявились его индивидуальные, специфические черты, какие цели ученый ставил перед своей исследовательской деятельностью [Daston, Sibum, 2003, 5–6]. Соглашаясь с наблюдениями Лоррейн Дастон и размышляя об особенностях индивидуальности Галины Евгеньевны как ученого, в первую очередь мы позволим себе рассмотреть метод ее работы с источниками — с тем огромным массивом позднеримского официального законодательства, который Галина Евгеньевна скрупулезно изучала в течение 40 лет, с середины 1960-х и вплоть до середины 2000-х гг. На наш взгляд, своеобразие исследовательского почерка ученого наиболее ярко проявляется не в наборе сюжетов, которые он исследовал, а в методах, с помощью которых он исследовал эти сюжеты, в самой «лаборатории» его работы. Методы же работы ученого, в свою очередь, наиболее четко отражены и прослеживаются по стилистике его текстов, т. е. по особенностям аргументации и структурно-композиционного плана.

В связи с этим обратим внимание читателя на ту оценку, которую Галина Евгеньевна дала сведениям позднеримского — ранневизантийского официального законодательства в одной из своих статей: «Очень важно выявить те объективные процессы эволюции сословия (имеется в виду сословие куриалов. — *Е. М.*), которые неизбежно должны были учитываться государством (курсив мой. — *Е. М.*), находить отражение в императорском законодательстве» [Лебедева, 1990, 21]. В этой фразе мы видим, если можно так сказать, квинтэссенцию метода Галины Евгеньевны, основную отличительную черту ее исследовательского поиска — она скорее ставила вопрос не о том, что кодексы сообщают о структуре позднеримского общества, а о том, каковы были мотивы и интересы позднеримского государства, императорской власти, которая непосредственно и издавала различные законы. Как законы отражали и выражали (даже на терминологическом, лексическом уровне) государственный интерес, какие цели государство преследовало, издавая закон о той или иной группе позднеримского общества, — все эти вопросы были центральными для Галины Евгеньевны, она уделяла им первостепенное внимание.

В этом смысле приведем в пример еще несколько выводов Галины Евгеньевны, которые, на наш взгляд, ярко иллюстрируют особенности аргументации в ее работах: «Государство... не только закрепило социальный статус представителей сословия куриалов, но и... оберегало его престиж, что прослеживается в законах (курсив мой. — *Е. М.*). <...> До конца IV в. законодательством не были установлены... ограничения, связанные с выходом из куриального сословия. Это обстоятельство, вероятно, дает основание считать, что в целом упадок сословия не был столь глубоким [Лебедева, 1990, 21–22]. «Законодательство Юстиниана свидетельствует (курсив мой. — *Е. М.*) о том, что роль городских рабов падает. <...> Все вышесказанное позволяет говорить о двух этапах упадка собственности городской общины на рабов...» [Лебедева, 1980, 66].

Представленные примеры отчетливо свидетельствуют, что Галина Евгеньевна не просто рассматривала смысл процессов, происходивших в позднеримском — ранневизантийском обществе, но и раскрывала новые проблемы, связанные с интерпретацией сведений законодательства, по сути — ставила перед читателем новые вопросы — уже о том, как трактовать сами законы, сохранившиеся в Кодексах Феодосия и Юстиниана. Тем самым, показывая различные особенности социальной динамики ранневизантийского общества, Галина Евгеньевна логично подводила читателя к осознанию и осмыслению проблем источниковедческого плана: насколько точно

мы понимаем тексты императорских законов, как в этих текстах следует различать *намерение* государства и реально сложившуюся ситуацию, как сведения законодательства, в сравнении с другими источниками, меняют или расширяют наши знания о позднеримском — ранневизантийском обществе.

И в этом смысле мы можем сказать, что исследовательский поиск Галины Евгеньевны не был ориентирован просто на описание процессов или обоснование (аргументацию) своих положений — объясняя (разъясняя) свои выводы, Галина Евгеньевна стремилась поставить новые вопросы и показать новые проблемы, всегда подчеркивала, какие дальнейшие перспективы исследования дают сведения официального законодательства. Мы можем признать, что Галину Евгеньевну как исследователя не устраивали просто сбор и обобщение сведений источников с целью свести их в какую-то единую картину повествования — такую задачу она считала слишком узкой и поэтому предпочитала действовать по условной схеме «вопрос — ответ — вопрос». Т. е., другими словами, первоначально Галина Евгеньевна констатировала наличие некой лакуны в знаниях о структуре ранневизантийского общества, вызванной недостаточным вниманием предшествующей историографии к сведениям законодательства, затем рассматривала соответствующие законы из Кодексов, а в завершение аргументации показывала, как сведения официального законодательства раскрыли новые проблемы в изучении ранневизантийского общества.

Немецкий лингвист Феликс Штайнер, активно изучающий в последние годы особенности научного стиля письменной речи (в основном на примере публикаций по филологии, литературоведению и естественнонаучному профилю), условно выделил два подхода исследователей к изучению своей темы, образно назвав их «журнал-наука» (*Zeitschriftwissenschaft*) и «учебник-наука» (*Handbuchwissenschaft*). Под первым наименованием Феликс Штайнер понимает исследователя, который стремится восполнить недостаток в изучении какой-то узкой, четко ограниченной темы — согласно классификации Феликса Штайнера, этот исследователь обращает внимание коллег-читателей на плохую разработанность темы, раскрывает причины подобного положения дел и дает ответ на вопрос, что нового нужно знать о теме [Steiner, 2012, 579, 586–588]. И, наоборот, «учебник-наука», по мнению Феликса Штайнера, — это исследователь-собирающий, который в первую очередь стремится обобщить все накопленные ранее сведения о той или иной теме, чтобы затем составить некий единый справочный обзор, подвести итог развитию предшествующей научной традиции и перечислить основные сюжеты, на которые другие исследователи неизменно обращали и обращают внимание [Steiner, 2012, 577, 579].

Выше мы уже говорили об исследовательских предпочтениях («стратегиях») Галины Евгеньевны: она ставила на первое место анализ, а не описание (обобщение) сведений источников, вместе с тем при изучении отдельных узких сюжетов развития ранневизантийского общества Галина Евгеньевна не ограничивалась только формулировкой своей точки зрения и аргументацией своих выводов. Подчеркнем, что Галина Евгеньевна не просто стремилась «устранить пробелы» в изучении того или иного вопроса развития ранневизантийского общества — она ставила перед собой цель расширить знания о самих источниках, благодаря которым мы изучаем это общество, стремилась показать глубину и сложность содержания Кодексов, а также различные методы интерпретации этих текстов. Повторим, исследовательский стиль Галины Евгеньевны подводил читателя к новым вопросам уже не столько о самом ранневизантийском обществе, сколько о специфике ранневизантийского императорского законодательства.

По мнению Торстена Штайнхоффа, литературоведа и историка науки, любая исследовательская деятельность, выраженная в письменном тексте, включает в себя формулировку и разъяснение понятий — специальных терминов, относящихся к определенной теме, выдвижение гипотез (идей, предположений), критический разбор мнений предшественников и объяснение своих выводов [Steinhoff, 2007, 191, 193, 196, 199]. Тем не менее, в своих работах Галина Евгеньевна не сосредотачивалась,

и, как нам кажется, сознательно не хотела сосредотачиваться только на изложении и разъяснении своей точки зрения — на наш взгляд, в такой «текстовой стратегии» она видела своеобразный диктат автора, навязывание читателю своей авторской позиции. Галина Евгеньевна определенно выступала против подобного навязывания. В подтверждение же наших слов приведем в пример некоторые выводы Галины Евгеньевны, которые она высказала в одной из своих статей начала 1990-х гг.

Как подчеркивала Галина Евгеньевна, «ранневизантийское законодательство — бесценный материал для дальнейшего и более углубленного изучения эволюции социальных отношений. <...> Именно поэтому дата, число законов, относящихся к тем или иным социальным сословиям и группам, имеют также известную доказательную значимость (курсив мой. — Е. М.). Но из массы законов до сих пор еще недостаточно четко отделены (курсив мой. — Е. М.) те из них, которые были продиктованы сугубо временными обстоятельствами. При рассмотрении... данных законодательства далеко не всегда... выделяются (курсив мой. — Е. М.) принципиальные программные законы, отражающие общие направления политики государства... и второстепенные, ситуационные» [Лебедева, 1992, 15]. Соответственно, как заключает Галина Евгеньевна, «Мы действительно считаем показательной... как общую численность законов, посвященных тем или иным социальным сословиям и группам, так и их динамику — распределение по периодам, что представляется нам свидетельством остроты проблем, связанных с этими сословиями, или ее спада» [Лебедева, 1992, 16].

Примечательно, что сама логика аргументации, которой придерживалась Галина Евгеньевна, подводила читателя к выводу о значимости Кодексов для изучения социальной динамики ранневизантийского общества. С одной стороны, Галина Евгеньевна ярко показывала специфику содержания этих источников, а с другой — убедительно показывала, насколько часто предшествующая историография недооценивала Кодексы именно как целостные, самодостаточные правовые источники, обладающие собственной внутренней структурой. В этом смысле мы можем признать, что Галина Евгеньевна действительно выступала против принудительного навязывания (даже насаждения) читателю своей трактовки различных узкотематических сюжетов — свою важнейшую задачу она видела скорее в том, чтобы пробудить у читателя интерес к внутренней структуре Кодексов, к их правовой терминологии, стилю, к той официальной риторике и идеологии, которая была в них заложена позднеримским — ранневизантийским государством.

По весьма остроумному замечанию Феликса Штайнера, к методологическим наблюдениям которого мы уже обращались ранее, исследователь, аргументируя свою точку зрения, в первую очередь думает о последовательности самой аргументации, т.е. он стремится четко показать читателю, где в тексте высказано предположение (утверждение), а где — сомнение, где он приводит доказательства, а где на их основе формулирует выводы. Такую схему аргументации Феликс Штайнер даже образно назвал «драматургией» научного текста, подразумевая, что именно последовательность аргументации придает исследованию некую стройность и упорядоченность, именно благодаря последовательной, непротиворечивой аргументации текст обладает целостным сюжетом [Steiner, 2009, 241–244].

Пользуясь метким выражением Феликса Штайнера, подчеркнем, что «драматургия» текстов Галины Евгеньевны все же была подчинена более сложной и, мы бы даже сказали, масштабной задаче — «восстановить в правах» источники, т.е. Кодексы, придать им новую ценность, предложить новый взгляд на методику работы с этими текстами. Техника аргументации, которой придерживалась Галина Евгеньевна, в конечном итоге была нацелена не на изложение или воссоздание сюжетов, т.е. процессов социальной динамики ранневизантийского общества, а на качественную переоценку правовых источников по истории этого общества. Галина Евгеньевна определенно ставила своей главной целью возродить и усилить интерес к Кодексам как к самостоятельным памятникам позднеримской — ранневизантийской правовой культуры и государственной идеологии.

2. Галина Евгеньевна Лебедева и отечественная дореволюционная византистика — особенности биографического подхода

Помимо сюжетов ранневизантийской социальной истории, в последние годы Галина Евгеньевна активно изучала творческое наследие и биографии крупных отечественных дореволюционных византистов, занимавшихся историей Византийской Церкви — Федора Афанасьевича Курганова (1844–1920), Ивана Ивановича Соколова (1865–1939) и Николая Афанасьевича Скабалановича (1848–1918). Конечно же, нельзя не сказать о том, что в своих историографических исследованиях Галина Евгеньевна уделяла огромное внимание и другому представителю русской дореволюционной византистики — Александру Петровичу Рудакову (1886–1940), прославившемуся своей монографией «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии» (1917), тем не менее, в данной заметке мы все же ограничимся теми работами Галины Евгеньевны, которые посвящены именно историкам Византийской Церкви. Дело в том, что Александр Петрович Рудаков, в отличие от своих упомянутых выше коллег, занимался не столько специфическими проблемами Церкви, сколько общими проблемами развития византийской культуры в целом, особенностями духовной культуры и повседневной жизни в Византии.

Именно поэтому в рамках данного некролога, освещающего некоторые важные особенности научного стиля и метода Галины Евгеньевны, мы хотели бы сосредоточиться на том блоке ее работ, который посвящен церковно-исторической дореволюционной византистике — на наш взгляд, такой подход позволит нам более детально рассмотреть, как Галина Евгеньевна скрупулезно, последовательно и методично возрождала память о целой школе русской дореволюционной византистики, преданной забвению в советское время. Действительно, мы с полным правом можем признать, что Галина Евгеньевна вернула из забвения — можно даже сказать «вернула к жизни»! — обширное направление русской дореволюционной византистики. Поэтому крайне важно проследить, как она восстанавливала, зачастую по крупицам, биографию того или иного ученого, как изучала его творческое наследие, и, самое главное (в нашем понимании), — как исследовала саму методологию, теоретические особенности его работ.

В этой связи, как нам кажется, в первую очередь следует учесть наблюдения современных немецких исследователей Стефана Йегера и Стефана Хааза, отметивших, что во второй половине XX в. историческая наука, находясь под влиянием структурализма, школы Анналов и школы лингвистического поворота, все больше стала воспринимать отдельного человека — личность, субъекта — только как часть более обширных структур (государственных, правовых, социально-экономических, духовных). По мнению Стефана Йегера и Стефана Хааза, такое понимание роли личности в истории выразилось в утверждении о том, что человек не управляет историей, наоборот, он подчиняется ее процессам, у него нет автономии в этих процессах. Соответственно, в 1950-х — 1970-х гг. в рамках школы Анналов и постмодернистской историографии постепенно оформилась точка зрения, что историк должен изучать не последовательность действий людей, а причинно-следственные связи в деятельности структур — как функционируют структуры, что и как о них говорят источники, каков контекст создания этих источников [Deines, Jaeger, Nünning, 2003, 1–2, 11; Haas, 2014, 519; Jaeger, 2003, 127; Jaeger, 2017, 165].

Тем не менее, с учетом этих наблюдений, мы можем признать, что в своих работах Галина Евгеньевна мастерски раскрывала именно роль личности в контексте общесторических процессов. Так, например, в статье, посвященной Федору Афанасьевичу Курганову, она уделяет много внимания процессу развития русской дореволюционной историографии, рассматривает научную деятельность Федора Афанасьевича в четкой связи с развитием византиноведения в России, как светского, так и церковно-исторического. Обратим внимание на следующую характеристику, которую Галина Евгеньевна дала научным интересам Федора Афанасьевича: «Византийская история

увлекала Ф. А. Курганова еще в студенческие годы, с особой силой этот интерес проявился с начала 1870-х гг. и в значительной мере был связан с теми процессами, какие в ту пору переживало в России византиноведение, начавшее постепенно выделяться в особую область отечественной исторической науки (курсив мой. — Е. М.). История Византийской Церкви в этих условиях становилась важной и неотъемлемой частью этой общей дисциплины. Естественная для нашей науки ориентация на интересы русской истории, на выявление роли и влияния „византийского наследия“ с середины XIX в. повлекла за собой необходимость обращения к истории собственно Византийской Церкви. <...> В 70-х гг. XIX в. появляются церковно-исторические труды на строго научной основе, авторами которых являлись преподаватели Духовных академий: Московской, Киевской, С.-Петербургской и Казанской» [Лебедева, 2015, 10].

И вместе с тем примечательной выглядит фраза Галины Евгеньевны, высказанная во вводной части статьи о Федоре Афанасьевиче: «Представляется важным рассмотреть формирование Ф. А. Курганова как ученого, стоящего у истоков церковной исторической науки в России (курсив мой. — Е. М.)» [Лебедева, 2015, 5]. Действительно, оценивая научное наследие Федора Афанасьевича, занимавшегося проблемами взаимоотношений светской и церковной властей в эпоху ранней Византии (IV–VI вв.), Галина Евгеньевна неизменно подчеркивала его новаторский вклад в изучение и даже саму постановку темы: «ученый, по существу, впервые в русской историографии (курсив мой. — Е. М.) исследовал византийскую каноническую теорию об отношениях между этими двумя ветвями власти. <...> Историк, прежде всего, впервые в историографии (курсив мой. — Е. М.) мастерски вычленил византийскую каноническую теорию об отношениях духовной и светской властей, в итоге сделав вывод, что восточная — византийская — теория включает в себе идею союза и полного согласия между духовной и светской властями» [Лебедева, 2015, 11].

Приведенные цитаты, в свою очередь, отчетливо свидетельствуют, что Галина Евгеньевна воспринимала личность в истории не как некоего безвольного «пленника» абстрактных политических, социально-экономических и духовных структур, а, наоборот, как активный и даже ведущий фактор развития самой истории, исторического процесса. В самом деле, рассматривая научную и педагогическую деятельность Федора Афанасьевича, Галина Евгеньевна ставила вопрос не столько о том, что образовательные и научные учреждения (такие как Казанская и Санкт-Петербургская духовные академии, т.е., по сути, — структуры, система богословского образования в дореволюционной России) дали Федору Афанасьевичу для его профессионального формирования и роста, сколько о том, что он сам дал отечественной и мировой науке посредством своих трудов. Подводя некий итог своим изысканиям о жизни и творчестве Федора Афанасьевича, Галина Евгеньевна отметила: «Труд Ф. А. Курганова имел особую значимость для становления русской церковно-исторической науки (курсив мой. — Е. М.) также и в том плане, что он наметил перспективы дальнейшего углубленного исследования как внутренней истории Византийской Церкви, так и проблемы восприятия „византийского наследия“ в России» [Лебедева, 2015, 13].

Те же цели Галина Евгеньевна поставила перед собой и при изучении научного наследия двух других византинистов — Ивана Ивановича Соколова и Николая Афанасьевича Скабалановича. Подробно рассматривая события их жизни и изучая их главные труды — «Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII в. (842–1204)» И. И. Соколова и «Византийское государство и Церковь в XI в., от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина» Н. А. Скабалановича, — Галина Евгеньевна всегда обращала преимущественное внимание на новые идеи, подходы и методы, предложенные обоими исследователями.

Все три исследователя представлены в работах Галины Евгеньевны прежде всего как творчески мыслящие личности, одновременно и создававшие, и менявшие знания академического сообщества о Византийской Церкви. Вместе с тем и сама Галина Евгеньевна очень творчески подходила к анализу научных достижений этих ученых. Восстанавливая биографию исследователей на основе различных архивных

документов, Галина Евгеньевна внимательно отслеживала, какой резонанс их книги вызвали в российском академическом сообществе, всегда стремилась показать, какой отклик их работы получили у коллег по цеху.

Так, рассматривая основные идеи книги Николая Афанасьевича, Галина Евгеньевна подробно анализирует и рецензии на его книгу, написанные другими византинистами-современниками, специалистами по истории Церкви — Иваном Егоровичем Троицким (1832–1901), Тимофеем Дмитриевичем Флоринским (1854–1919) и Павлом Владимировичем Безобразовым (1859–1918). Как подчеркивает Галина Евгеньевна, «Отдавая должное достоинствам исследования, рецензенты сожалели о том, что, во-первых, автор слишком жестко соблюдал установленные им хронологические рамки... и, во-вторых, в книге отсутствует характеристика внешнего положения Византии. <...> Главное же возражение сводилось к тому, что Церкви уделено в работе гораздо меньшее место, чем государству...» [Лебедева, 2004, 20].

В целом мы можем признать, что в своих историографических работах Галина Евгеньевна уделяла рецензиям на книгу не меньше внимания, чем самой книге — мнения и взгляды рецензентов интересовали ее не меньше, чем идеи автора книги. Образно говоря, и автор, и рецензенты получали в ее работах равное «право голоса», даже если рецензенты были настроены весьма критично. К примеру, как пишет Галина Евгеньевна, в рецензии на диссертацию Ивана Ивановича Соколова его учитель и наставник в Казанской духовной академии Федор Афанасьевич Курганов «выявил противоречия в работе, подверг сомнению рассуждения И. И. Соколова о причинах и условиях процветания средневекового византийского монашества, поскольку причины этого явления, по его мнению, лежали гораздо глубже» [Лебедева, 2003, 20].

Рассматривая отзывы на диссертацию самого Федора Афанасьевича Курганова, Галина Евгеньевна отмечает, что «Оба рецензента выступили против того, что автор постоянно переходит в изложении от одного предмета к другому: от исторического рассказа — к каноническому исследованию, от канонического исследования — к изложению догматического учения, от изложения догматического учения — снова к историческому рассказу...» Соответственно, как заключает Галина Евгеньевна, рецензенты — профессор Казанской духовной академии Сергей Алексеевич Терновский (1848–1916) и прот. Иоанн Толмачев (†1897) — «категорически отвергли теоретическую часть работы Ф. А. Курганова» [Лебедева, 2015, 14].

Мы не случайно обратили внимание на эту особенность историографических работ Галины Евгеньевны: несомненно, Галина Евгеньевна стремилась максимально объективно оценивать труды дореволюционных историков-византинистов и саму дореволюционную школу византистики как отдельный и целостный этап в развитии отечественной исторической науки. Свои собственные выводы о значимости и содержании труда того или иного ученого она делала только после тщательного анализа мнений рецензентов, но заметим (и для нас это самое главное!) — Галина Евгеньевна обращалась к рецензиям, авторами которых были именно *современники* названных выше византинистов, более того, зачастую рецензенты и главные герои ее очерков работали вместе в одном и том же учреждении, т. е. в прямом смысле были коллегами по работе и даже по должностному положению.

На наш взгляд, пример историографических работ Галины Евгеньевны, в свою очередь, ярко иллюстрирует важную методологическую особенность всей исторической науки как таковой — множественность перспектив, т. е. обзор одного и того же события с разных точек зрения. Со времени выхода в свет знаменитой книги американского историка-литературоведа Хейдена Уайата (1928–2018) «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века» (1972) многие исследователи, представляющие различные направления гуманитарного знания — историки, филологи, литературоведы, искусствоведы, философы, социологи, политологи, — все чаще не просто поддерживают тезис о неразрывной связи истории и художественной литературы, но и стремятся найти новые аргументы в пользу этого тезиса, раскрыть новые виды взаимосвязи истории и литературы.

Обобщающим итогом всех этих изысканий, проведенных в 1980-е — 1990-е гг., можно считать коллективную монографию с весьма характерным названием: «Литература и история: справочник по их взаимодействию от Просвещения до современности», изданную в 2002 г. под редакцией германиста Даниеля Фульды, специалиста по немецкой историографии XVIII–XIX вв. [Fulda, 2002], активно применяющего теорию Хейдена Уайта на немецкоязычном материале. Тем не менее, только после 2002 г., т.е. в последние 20 лет, исследователи, работающие в рамках традиций постмодернистской историографии, обратили более пристальное внимание на такую особенность исторического знания, как множественность перспектив, точнее — стали системно изучать, как историки совмещают эти перспективы, согласовывают сведения разных (порой весьма противоречивых) источников, какими способами сводят накопленные сведения в единую более или менее целостную картину.

По мнению Стефана Йегера, Рубена Циммерманна и Стефана Хааза, согласование разных взглядов на одно и то же событие — это задача уже из области литературы, искусства, эстетики, а не собственно истории, другими словами — вопрос формы, а не содержания. Процедура согласования требует от историка-исследователя художественного воображения, поскольку он должен изложить свой материал в четкой взаимосвязи, в единой непротиворечивой последовательности [Deines, Jaeger, Nünning, 2003, 13; Haas, 2014, 527; Jaeger, 2017, 170; Zimmermann, 2017, 27].

Мы позволим себе добавить к рассуждениям исследователей и наши наблюдения. На наш взгляд, согласование множества точек зрения как раз и образует упорядоченную «драматургию» научного текста (по выражению Феликса Штайнера, цитированного выше), т.е. сюжет исследования; благодаря согласованию противоречивых сведений историк как раз и выстраивает сюжет своего исследования. И в этом смысле историографические работы Галины Евгеньевны ярко демонстрируют своеобразный механизм такого согласования, свойственный только ее научному поиску и методу — Галину Евгеньевну интересовала именно противоречивость источников, она стремилась показать *полемику*, отраженную в источниках, борьбу и спор различных взглядов. Как нам кажется, Галина Евгеньевна ставила своей целью проследить направления и формы научных дискуссий, возникших по поводу книг историков-византинистов, чтобы на основе этого рассмотреть еще более общий процесс — развитие российской общественно-политической мысли в дореволюционную эпоху, точнее — показать, какой вклад в этот процесс внесла дореволюционная церковно-историческая византистика. В связи с этим в качестве завершения подчеркнем, что если в сюжетно-тематических работах по ранневизантийской истории Галина Евгеньевна подводила читателя к осмыслению проблем источниковедческого плана, то в работах по дореволюционной византистике Галина Евгеньевна фактически ставила вопрос о связи церковно-исторической византистики с развитием российской государственности и общества во второй половине XIX в.

Источники и литература

1. Лебедева (1980) — *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 166 с.
2. Лебедева (1990) — *Лебедева Г. Е.* Динамика социальной структуры ранневизантийского общества (куриалы, сенаторы по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // Вестник ЛГУ. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. 1990. Вып. 4. С. 21–30.
3. Лебедева (1992) — *Лебедева Г. Е.* К вопросу о социальной структуре ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // Византийский временник. 1992. Т. 53. С. 10–19.
4. Лебедева (2003) — *Лебедева Г. Е.* Ученый и время: И. И. Соколов // *Соколов И. И.* Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204) / Вступит. ст. проф. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2003. С. 7–32.

5. Лебедева (2004) — *Лебедева Г.Е.* К истории изучения творческой биографии Н. А. Скабалавича // *Скабалавич Н.А. Византийское государство и Церковь в XI в.: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Кн. 1 / Вступит. ст. проф. Г. Е. Лебедевой.* СПб., 2004. С. 5–22.
6. Лебедева (2015) — *Лебедева Г.Е. Ф. А.* Курганов: научное наследие (1870–1880 гг.) // *Курганов Ф. А. Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления этих взаимоотношений (325–565 гг.). / Вступит. ст. проф. Г. Е. Лебедевой.* СПб., 2015. С. 5–22.
7. Daston, Sibum (2003) — *Daston L., Sibum H. O.* Introduction: Scientific Personae and Their Histories // *Science in Context.* 2003. Vol. 16. No. 1/2. P. 1–8.
8. Deines, Jaeger, Nünning (2003) — *Deines St., Jaeger St., Nünning A.* Subjektivierung von Geschichte(n) — Historisierung von Subjekten // *Historisierte Subjekte — Subjektivierte Historie / Hrsg. von St. Deines, St. Jaeger, A. Nünning.* Berlin; New York, 2003. S. 1–22.
9. Haas (2014) — *Haas St.* Fiktionalität in der Geschichtswissenschaften // *Fiktionalität. Ein interdisziplinäres Handbuch / Hrsg. von T. Klauk, T. Köppe.* Berlin; New York, 2014. S. 516–532.
10. Jaeger (2003) — *Jaeger St.* Geschichte als Wahrnehmungsprozess. Ihr selbstreflexiver Vollzug in der Geschichtsschreibung // *Historisierte Subjekte — Subjektivierte Historie / Hrsg. von St. Deines, St. Jaeger, A. Nünning.* Berlin; New York, 2003. S. 123–140.
11. Jaeger (2017) — *Jaeger St.* Historiographisches Erzählen. Zur fruchtbaren Synthese von Erzähltheorie, Geschichtswissenschaft und Theologie // *Text und Geschichte: Geschichts- und literaturwissenschaftliche Beiträge zum Geflecht von Faktizität und Fiktionalität / Hrsg. von Chr. Landmesser, R. Zimmermann.* Tübingen, 2017. S. 162–180.
12. Fulda (2002) — *Literatur und Geschichte: Ein Kompendium zu Ihrem Verhältnis von der Aufklärung bis zur Gegenwart / Hrsg. von D. Fulda, S. Tschopp.* Berlin; New York: De Gruyter, 2002.
13. Steiner (2009) — *Steiner F.* Dargestellte Autorschaft. Autorkonzept und Autorsubjekt in wissenschaftlichen Texten. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009. 279 S.
14. Steiner (2012) — *Steiner F.* Wissenschaftliche Autorschaft zwischen Zeitschrift und Handbuch // *Theorien und Praktiken der Autorschaft / Hrsg. von M. Schaffrick, M. Willand.* Berlin; Boston, 2012. S. 567–593.
15. Steinhoff (2007) — *Steinhoff T.* Wissenschaftliche Textkompetenz. Sprachgebrauch und Schreibleitung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. 460 S.
16. Wiemer (2013) — *Wiemer H.-U.* Late Antiquity 1971–2011. Positionen der angloamerikanischen Forschung // *Historische Zeitschrift.* 2013. Bd. 296/1. S. 114–130.
17. Zimmermann (2017) — *Zimmermann R.* Verschlungenheit und Verschiedenheit von Text und Geschichte // *Text und Geschichte: Geschichts- und literaturwissenschaftliche Beiträge zum Geflecht von Faktizität und Fiktionalität / Hrsg. von Chr. Landmesser, R. Zimmermann.* Tübingen, 2017. S. 9–51.